

ВРАЧАМ ТОЖЕ БЫВАЕТ БОЛЬНО

НЕ СКАЖУ, что Марка Беличенко, хирурга МСЧ-1 в Чернобыле, я не знал раньше. Согласитесь, не каждый запоминает врача после приема на предмет прохождения медицинской комиссии. Возможно, и на сей раз я бы не узнал и не познакомился с ним поближе, если бы не один курьезный случай.

Зашел как-то по делам в управление НПО «Припять», вижу из зала заседаний выходят люди в явно приподнятом настроении. Поинтересовался, причиной всеобщего оживления и едва сам не рассмеялся, когда услышал: «Слушали лекцию по технике безопасности». Ну, думаю, мир перевернулся, если уже занудная лекция — такое хорошее времяпрепровождение. Смотрю, лицо лектора знакомое, кажется, врач. Прошу объяснить, что такое интересное он рассказывал сегодня?

— Дело в том, что по курсу техники безопасности и гражданской обороны слушатели обязаны прослушать курс лекций по оказанию первой медицинской помощи. Этим и объясняется мое присутствие здесь. А внимание, с которым меня слушали, видимо потому, что людям действительно хочется знать несколько больше и в случае чего оказать посильную помощь. Я обычно ухожу от практики излагать то, что пишется в брошюрах и методических пособиях, опираюсь на свою работу и конкретные примеры.

Как оказалось, Марка вряд ли можно обвинить в излишней разговорчивости, как-то тихо и с неохотой он втягивался в разговор. До тех пор, пока речь не зашла о «самоселах», здесь куда и делась скованность. Тут уже передо мной сидел не просто врач, в помощи которого крайне нуждаются дедушки и бабушки, но и человек, который знает, что порой медикаменты бессильны вылечить человека, а доброта, ласка и способность услышать больных душой чернобыльских отшельников часто им важнее, чем лекарство.

Поведал такую историю. Живет в Опачичах один престарелый дедок с тяжелейшим поражением сосудов нижних конечностей. Когда-то долго лечился, лежал в больницах Киева, Славутича — ничего не помогло. Закончилось тем, что пришлось отнять ногу. «Представляешь, Виталий, с каким большим трудом удалось перевести его на первую группу инвалидности. Восемь месяцев я бегал по инстанциям, доказывал, убеждал, злился, и это я, знающий входы-выходы, еще здоровый человек. А что бы это стоило деду?»

Короче инвалидность ему «выбили», вот только год прошел уже с тех пор, а пенсию он так ни разу и не получил.

Приезжая с гуманитарной миссией в зону отчуждения американский врач, пообещав в следующий свой приезд привезти деду протез. В Киеве побоялись делать, сказали, что у них он получится таким тяжелым, что дедушка не то что ходить, подняться не сможет.

И характер не сахар у «самоселов». Иного хочется отвезти в больницу в Иванков или в Славутич — ни в какую: «Хочешь, лечи здесь, а никуда не поеду».

Почему-то считается, что поликлиника в Чернобыле снабжается по первому уровню. Так думает каждый, кто не был чернобыльским врачом. Кажется, иностранцы больше болеют о зоне отчуждения, чем наши медицинские руководители. Чего только стоит тот факт, что даже обычного гипсового бинта нет, приходится хирургам и врачам «скорой помощи» кустарным способом

его изготавливать. Как понимаете, о качестве говорить не приходится.

Часто ходишь рядом с человеком и не знаешь, не ведаешь, какая рядом с тобой находится личность. И, однажды, задав случайный вопрос, узнаешь, какие все же бывают судьбы! Есть люди, жизням и судьбам которых не позавидуешь, но не уважать их просто невозможно. При встрече с ними задаешься мыслью: а ты сам бы смог такое пройти и не ожесточиться?

Родился мой собеседник в 1941-м в Армавире перед самым приходом фашистов. Пришлось эвакуироваться в предгорье Кавказа, а оттуда в Казахстан.

После войны вернулись опять на Кубань, где прожил до 1966 года, пока не закончил Кубанский медицинский институт. Затем по распределению три года отработал в селе Дубровном Тюменской области и опять на Кубань забросила судьба. Потом Север России. И, наконец, Припять, куда в 1982 году приехал вслед за женой. Работал в МСЧ-

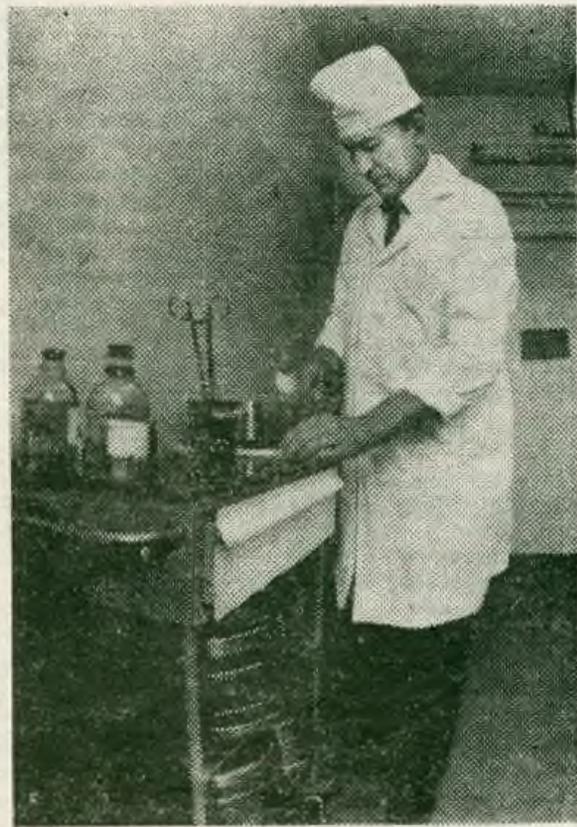
126 хирургом-травматологом, пока доля его вновь не решила испытать, поскольку наступил апрель 1986 года. А потом еще одна эвакуация...

— Где-то без двадцати два 26 апреля позвонила из медсанчасти фельдшер Валентина Кудина и передала приказ: не дожидаясь машины, срочно прибыть на работу. В городе было тихо-тихо, только по кольцу улиц ехали друг за другом «РАФы» с мигалками, но с отключенными сиренами.

Подходя к медсанчасти, услышал из перевязочной истошные вопли — кто-то пытался пить что-то из Высоцкого. Это был наш первый пациент со станции. Запомнилась фамилия — Кургуз. Он получил сильный ожог предплечья и большую дозу радиации. Контролировать, естественно, он себя не мог, что называется, находился на пределе человеческих сил.

Меня сразу же поставили в стационар — принимать пострадавших с ожогами. Кургуза тоже перевели к нам на четвертый этаж, поставили ему капельницу, ввели успокаивающие препараты. К трем часам ночи он уснул. К тому времени ему уже составлял «компанию» еще один пациент с ожогами, не помню только его фамилию. В общем, наше отделение считалось спокойным, основная масса с лучевыми поражениями шла в терапию. Примерно в это время привезли Шапенка. От него меня отогнали пожарные: не лезь, большая доза радиации. Для санитарной обработки у нас не было приспособ-

Марк Иванович Беличенко всегда на посту, свято выполняя клятву Гипократа.
Фото Михаила ЗАГРЕБЫ.

ВРАЧАМ ТОЖЕ БЫВАЕТ БОЛЬНО

(Окончание.)

Начало на 1 стр.)

ленных помещений, поэтому занесли его в приемник и, как привезли, на носилках, так и отнесли под душ.

Дозу, которую он получил, мы не знали, поскольку, единственный дозиметр медсанчасти не работал — кто-то вынул батарейки.

Всех, кто в то время был на станции, госпитализировали к нам. Утром 27-го их начали вывозить в клиники Москвы и Киева. Шашенок у нас прожил еще три часа — состояние его было безнадежное — ожоги кожи, верхних дыхательных путей, радиация.

Помню, наш анестезиолог Елена Саркисовна, кести, беременная, но просидевшая возле его койки все время, пока он был жив, пыталась поставить «подключичник». С ней медсестрой Ольгой Попович сделали венесекцию, врач В. И. Рабинович, медсестра О. И. Бойко и другие делали все возможное чтобы продлить ему жизнь. Не удалось, в шесть часов утра он скончался. В диагнозе причин смерти мы ему поставили — ожог. Хотя умер он от ожога, шока и лучевой болезни.

Как я уже сказал, утром 27 апреля мы начали эвакуировать больных из Припяти: больных с лучевыми поражениями отправляли в Киев и Москву, а из травматологии — с переломами голени, бедер, позвоночника, сказали везти в Чернобыль. К часу дня мы уже всех перевезли, а к пяти вечера нас и самих

вывезли. Меня отправили вместе с семьей в Володарку Полесского района.

И здесь тоже история. В апреле, как раз 26 числа, сын и дочка приехали в Припять, чтобы праздновать день рождения сына, ему исполнялось 18 лет. Он учился в Одессе, она — в Обнинске. После эвакуации они уехали снова к себе на занятия, а мы с женой еще две недели оставались на месте. В июне поехали работать в зону отчуждения.

Работал на АБК, а когда написали, что я набрал 25 бэр — перевели в Иловницу, потом на «Белые теплоходы», Зеленый Мыс. Пять лет отработал травматологом в Медгородке в Киеве, а в 1992 году вернулся в зону отчуждения.

Не мог удержаться, чтобы не задать вопрос: доволен ли он своей жизнью?

— Доволен. Доволен, что десятый год живу после такой страшной катастрофы. А если по большому счету, — с точки зрения врачей-профессионалов, — почти все жители Припяти остались в живых лишь по случайной везучести. Подул бы ветер чуть-чуть не в ту сторону... «Рыжему лесу» не повезло, он оказался на пути радиации, а человек и сосна умирают от одинаковой дозы облучения.

Почему я не остался в Медгородке? С одной стороны, я там получил выс-

шую категорию, оперировал, участвовал в научных работах, писал доклады, — и все это делал с большим удовольствием. А с другой, обстановка в коллективе была не очень дружественной. Меня могли попрекнуть тем, что только приехал в Киев, и тут же получил квартиру, могли, не мудрствуя лукаво, наметнуть, что я причастен к взрыву на их исторической родине. С этим я кое-как мирился. Но последний случай переполнил чашу терпения. Я оперировал тяжелого старика, который мне очень напоминал отца. Оперировал коленные суставы, а умер он от пневмонии. И умер только потому, что его не вовремя перевели в реанимационное отделение и не начали соответственно лечить. И я ушел.

Таких врачей, как Марк Иванович Беличенко, в Чернобыле работает немало. Тех, кто прошел самые страшные дни после Чернобыльской катастрофы рука об руку со смертью, спасая больных и невзирая на то, что сами могли оказываться пациентами своих коллег. И, наверное, каждый из них может подписаться под словами «доволен, что остался жив». Но не ждите, что об этом они будут говорить вам. Им некогда, чужие боль и страдания не менее ранят им сердце, чем свои собственные.

Виталий РОМАНОВ.